Интересный спектакль

«Егор Булычов и другие» в постановке Югославского драматического театра — хороший, значительный спектакль. В чем же его основное достоинство? В том, что он своеобразен, целостен, убедителен.

И не собираюсь пересказывать содержание пьесы, оно хорошо известно, но раньше, чем перейти к более подробной оценке исполнения, хочется поделиться несколькими мыслями, которые у меня возникли по ходу спектакля. Это соображения по основному вопросу о праве театра, о праве режиссера на самостоятельную трактовку драматического произведения.

Сплошь и рядом приходится читать рецензии, квалифицированные и доказательные, в которых знающие и опытные специалисты предлагают ортодоксально законченную трактовку того или иного драматического произведения и с позиции своего понимания непримиримо расценивают представления перед ними спектакли. Так вот — правомерно ли считать, что существует только одно единственное прочтение произведения, не говоря уж о том, что вы можете натолкнуться на чуть ли не противоположную теоретическую трактовку, столь же убедительную своей аргументированностью и доказательностью и столь же ортодоксально непримиримую?!

Мне кажется обязательным и важным защищать право творческого интерпретатора и, в частности, режиссера, на собственную точку зрения, на собственное независимое и оригинальное толкование произведения драматурга.

Спектакль югославского театра мне понравился тем, что его убедительность, покорившая зрительный зал, который долго и восторженно аплодировал после каждого акта, заключа-

лась в убежденности его создателей. И видел множество интерпретаций «Булычова» на различных сценах, и для меня своеобразие данного спектакля, его отличительность, его «спорность» и явились главным достоинством постановки.

Когда-то К. Станиславский сказал о пьесе Бомарше «Свадьба Фигаро», что это Испания, увиденная глазами француза. Когда мы читаем шекспировского «Гамлета», то в Дании узнаем Англию шекспировской эпохи. Иначе говоря, не этнографическая точность определяет художественную ценность произведения. Разве в Шекспире нас не пленяет именно эта его собственная, шекспировская точка зрения на явления, независимо от того, где они происходят, разве этнографическая, доподлинная «историчность» определяет величие Шекспира?

Одлажды в Праге я видел «Вандорские проказницы» в постановке нескрываемо национальной. Спектакль был решен художником в традиционной чешской манере, и, конечно же, он имел на это полное право. Да, «Булычов» связан со своим временем, его даже нельзя понять вне точной исторической эпохи, вне той действительности, которую он отражает. Но почувствовать эту действительность вправе каждый художник по-своему, лишь бы его интерпретация не оказалась искажением автора.

Эти мои раздумья являются необходимой предпосылкой оценки виденного спектакля «Егор Булычов и другие» в постановке Маты Мило-

шевича. У меня создалось впечатление, что спектакль органичен и правдив во всех своих звеньях. Прежде всего в нем участвуют великодушные актеры, которые создают галерею запоминающихся образов. В первую очередь следует сказать о Булычове — М. Живановиче. Это поистинному трагический образ, который развивается постепенно из акта в акт. Может быть, нам хотелось бы сегодня, чтобы в спектакле прозвучала не столько гибель Булычова, сколько его протест; может быть, слишком большой акцент сделан на болезни и физиологических моментах. Я говорю «может быть» потому, что здесь важен точный режиссерский расчет: облегчение физических страданий Булычова может привести к другой крайности, к неубедительности, неправдивости.

Я не собираюсь здесь подробно писать о каждом исполнителе, разбирать спектакль во всех его деталях. Для этого надо было бы его обстоятельно изучить. Скажу лишь, что меня убедили почти все исполнители. Очень обрадовал нас артист Виктор Старичи, исполняющий роль Павлина. Только накануне мы восхищались им в роли ростовщика Сади (в спектакле «Дундо Марое»). Там он играет необычайно смело, остро, и я боюсь, что он пойдет по пути обострения образа, либо, как иногда бывает, по линии внешнего подчеркивания, решив, что Горький пона Павлина не случайно назвал этим именем, придаст ему черты павляньей самовлюбленности. Но артист создает строгий, скупой, лаконичный

образ умного попа. Его игра необычайно убедительна.

Интересна в маленькой роли Антонины артистка Ольга Спиридонович: вы вспоминаете ее судьбу из «Достигаева» и верите, что такая Антонина могла бы иметь именно такую трагическую судьбу.

Есть моменты в спектакле, которые вызывают возражения опять-таки с позиции его целостности; в частности, мне показалось поначалу, да и на протяжении всего спектакля, что Зноицко чрезмерно опереточен в своем обращении с женщиной, чрезмерно карикатурным казался Мокроусов и вся сцена разговора с ним; показалось, что Достигаев, с дальнейшей биографией которого мы знакомы, обладал большой внутренней энергией дельца, а Лантев кажется слишком нарочито революционным, его хамовито-развязное поведение не очень правдоподобно для того времени и для дома Булычова. Показалось и что режиссер, умело выделяющий в мизансцене отдельные психологические куски пьесы, подчас чрезмерно увлекается пантомимами и подробностями.

В начале спектакля я невольно обратил внимание на некоторые бытовые неточности, например, на степу, завешанную иконами, кресло, стоящее посреди комнаты, и т. п. Это нехарактерно для русской комнатной обстановки того времени. Не очень русский костюм Глафиры, но по мере того, как развивался спектакль, я перестал это замечать, потому что не эти бытовые неточности являются решающими.

В этой связи я вспомнил недавно виденный мною в Париже спектакль «На дне» в постановке Саши Пягова, в «Театре де л'Эвр». Там тоже было немало бытовых неточностей, впрочем, легко исправимых, но опьяно всяком случае, ничуть не умаляя настоящей ценности спектакля, в котором ясно и сильно звучали горьковские идеи. А это основное. В этом отношении для меня переключаются два горьковских спектакля, осуществленные французским и югославским театрами.

Очень интересно и смело пользуется режиссер-постановщик М. Милошевич освещением, не только выявляя атмосферу умирания булычовского дома, но пользуясь светом как режиссерским приемом, помогающим раскрывать внутренние события пьесы.

Быть может, иногда на сцене слишком много крика, слишком обнажен звериный осклаб во взаимоотношениях персонажей. Но мне кажется закономерным темперамент поведения действующих лиц в этом спектакле. Так оно и было. Я хорошо помню эти благопристойные, благополучные с виду дома, а на самом деле мрачные духовные застенки, в которых разыгрывались душераздирающие трагедии, где бушевал этот силак любви и ненависти, где человек кричал и неистовствовал, как зверь. Ибо таков закон в мире собственных чувств и инстинктов, где родственность лишь удесятерит злобу и ненависть...

Свое краткое слово о спектакле «Егор Булычов и другие» хочется закончить благодарностью талантливому коллективу театра, создавшему такой интересный, содержательный, волнующий спектакль.

Ю. ЗАВАДСКИЙ,
народный артист СССР.